

другом — немецкую речь. Похоже, что в родственном плане мыслили и братья Бурлюки, когда, рассуждая о суггестии поэтического слова в статье «Поэтические начала», подмечали: «Слово лишь настолько имеет значение для передачи предмета, насколько представляет хотя бы часть его качеств» [2:132-133]. Говорить и писать формою, умозаключать и обобщать непосредственно формою — таков один из путей футуристического «реализма».

Примечания:

1. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. — Т. 1. Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман, Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М., 2004. Курсив автора — И. В.
2. Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. — М., 2001.
3. Белый А. Арабески. — М., 1911.
4. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977.
5. Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. — СПб., 2002.
6. Белинский В.Г. О русской повести и повестях Гоголя // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. — М., 1953.
7. Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. — М., 1995.
8. Хлебников В., Крученых А., Гуро Е. Трое. — СПб., 1913.
9. Крученых Алексей. Стихотворения, поэмы, романы, опера. — СПб., 2001.
10. Пастернак Б. Взамен предисловия // Крученых А. Календарь. — М., 1926.
11. Пастернак Б. Крученых // Жив Крученых. — М., 1925.

© **Волков А.В.**
г. Екатеринбург

АВТОРСКАЯ ПАРАДИГМА «ИСПОВЕДАЛЬНОЙ» ПРОЗЫ И. ГУБЕРМАНА

Говоря о Губермане-прозаике, нельзя обойти стороной вопрос жанровой специфики его прозы. Книга, о которой пойдет речь, — книга-воспоминание. Вот как сам автор рассказывает о своем желании «увекочечиться» в довольно редком для конца XX века жанре — мемуарах: «Как и откуда приходит к человеку ощущение, что пора писать мемуары? Я лично на этот вопрос могу ответить с полной определенностью: когда всем надоели твои застольные байки, и слитный хор друзей и близких (главные жертвы устных воспоминаний) советует перенести их на бумагу — а не морочить нас одним и тем же, звучит в подтексте» [1]. Губерман остается верен себе. Объясняя мотивы, побудившие его взяться за перо, автор безудержно и весело острит: единственная, но веская причина у большинства мемуаристов, считает он, — стремительно надвигающийся маразм, делающий человека невыносимым в устных застольных беседах. Остальные причины перечислены в столь же ироническом ключе: апогей творческого успеха, выше которого, сокрушенно вздыхает автор, ему уже вряд ли подняться; страстное желание «записать различные житейские случаи и разговоры на ходу» [1:12]; наконец, «мемуары пишутся затем, чтоб неназойливо и мельком прихвастнуть» [1:13]. Однако главный стимулирующий фактор, думается, коренится в другом: на том возрастном рубеже, к которому подошел автор, человеку — особенно владеющему навыками письма — всегда есть что рассказать о времени и о себе. Разговаривая тет-а-тет с читателем любого поколения и положения, он не боится «казаться смешным», что, бесспорно, «не каждый может себе позволить» [2:294].

Губермановский юмор искрометен и анекдотичен. Он сообщает «Пожилым запискам» ту непринужденность и доверительную интонацию, которые позволяют читателю ощущать себя непосредственным участником происходящего. Фактически каждая глава этого без преувеличения уникального текста (все-таки мемуары — весьма специфический жанр) построена на анекдотическом случае, казусе или невероятном событии, которые несут важную структурообразующую функцию. Анекдоты в губермановском тексте — тот «строительный» материал, первоэлементы, совокупность которых создает смысловое и образное единство текста. Вообще, анекдот — не просто байка, а целый жанр, живущий своей самостоятельной жизнью. То, что он остался на границе литературы и фольклора, «внутри самой жизни, а не в особой литературной резервации» — результат «перехода от дорефлективного традиционализма к рефлективному», считает Ефим Курганов [3:136-137].

Вольный статус анекдота начал меняться еще в девятнадцатом веке, утверждает исследователь. И если «Чехов сделал анекдот полноценной литературой», то Довлатов «преодолеывает литературность анекдота» [3:137]. Все это имеет непосредственное отношение к Губерману, в прозаических трудах которого анекдот занимает не менее видное место, чем у Довлатова. «В его рассказах ощутил мощнейший анекдотический субстрат, забывающий все остальные запахи. Именно анекдот прежде всего и определяет художественные закономерности довлатовского мира», пишет Е. Курганов [3:134]. То же самое можно сказать про специфику творчества И. Губермана в целом и «Пожилых записок» в частности. Ведь именно анекдот пронизывает мемуары от начала до и до конца, наполняя каждую главу, каждую портретную (либо пейзажную) характеристику (зарисовку) своим неповторимым шармом. Например, весь смысл главы шестой «О людях хороших» уместается в следующем анекдотическом эскизе: два «хороших» человека, случайно познакомившись и решив отметить столь неожиданную встречу, крепкую мужскую дружбу и т.д. и т.п., напились вдребезги. Наутро, еще не конца протрезвев, они вяло пьют кофе «с тяжелой головой... и хозяин вкрадчиво-изысканно спрашивает у гостя:

— А скажите, друг мой... чтобы вы сейчас предпочли — хорошую девицу или двести грамм водки?

— Могли ли я быть искрещены? — столь же изысканно спросил москвич.

— О, разумеется, — воскликнул ленинградец.

— Тогда, — сказал москвич, — хотя бы сто пятьдесят [1:149].

Как мало нужно иногда для счастья и как много значит порой эти «сто пятьдесят» в нашей жизни, звучит в подтексте. «Пожилые Записки» — свод невероятно комических, нереальных и в то же время совершенно серьезных, достоверных историй, связанных со средой, формировавшей Губермана — как поэта, как человека. Быт этой среды — дружественной, семейной, культурной — и цементирует «Пожилые Записки», гармонизируя текст через анекдот. Невероятный и одновременно очевидный случай, событие, происшествие показывает нам жизнь литературной (и нелитературной) богемы. Ограничусь одним, но чрезвычайно выразительным примером. Речь идет о двенадцатой главе «Пожилых Записок» — «Праведное вдохновение жулика», — где автор описывает те краткие, но удивительные минуты, когда он был «гениальным мошенником». Он — скромный человек и простой литератор — «провернул» такую хитроумную аферу, которая могла бы украсить список «комбинаций» самого Остапа Бендера, героя романов И. Ильфа и Е. Петрова. Но, с другой стороны, ничего сверхъестественного он не совершал — потребовалось лишь знание человеческой психологии, благородный азарт, беззащитная и обманутая «жертва», подлые и хищные «жулики», великодушный, но расчетливый «друг» — стандартный набор жизненных ситуаций. А какая занимательная и неординарная получилась новелла! В анекдоте главное — отнюдь не производимый им комический эффект. В отмеченной истории есть немало смешного, но она скорее поучительная, нежели смешная. Ко-

мизм здесь имеет явно побочное действие. В анекдоте берется стереотипная жизненная ситуация и «высвечивается достоверность нелепого, реальность невероятного». Анекдот демонстрирует нам «логику странностей и нелепостей быта» [3:152].

«Пожилые записки» — летопись совершенно определенной культурной среды, «литературно пьющего круга». Художественный вымысел оказался попросту ненужным здесь, ибо жизнь этих людей — художников, поэтов (в том числе — и самого автора мемуаров), ученых, простых людей — фантастичней любого вымысла. Механизм воздействия, суггестивности анекдота очень важен для Губермана (как и для Довлатова). Он (анекдот) обосновывает свое творческое право нести всякую нелепицу, но с совершенно серьезным видом, показывая, что все это могло быть (и, возможно, было!) на самом деле. Жизнь у Довлатова и Губермана не печальна, но всегда печальна-смешна. И если корзина с цветами появляется у Довлатова на празднике, значит, недалеко и поминки:

... — Шикарный букет, — говорю.

— Это не букет, — скорбно отвечает Жбанков, — это венок [4:270].

Сравните этот довлатовский диалог с концом предисловия «Пожилых записок» (особенно слова «доктора»: «Потерпите, голубчик, уже немного осталось!..») и вы увидите, насколько родственны по духу эти два писателя, как соотносятся их мироощущение, мировосприятие, мировоззрение. Вспомним предсвадебную историю, случившуюся с автором «Пожилых записок» и описанную им в шестой главе мемуаров, когда он попал в больницу с разбитой головой. А там в это же время находилась другая несчастная «знаменитость» — певец Большого театра, вздумавший похвастаться своими акустическими способностями и получивший за это утюгом (!) по голове (ср. с «Трепанацией черепа» С. Гандлевского). Опираясь на функцию обнажения (десакрализации), Е. Курганов определяет жанр анекдота «как миф о мифе, как миф, разоблачающий миф» [3:187].

«Пожилые записки» состоят из пятнадцати глав (с добавлением «необходимого предисловия» и «ненужного послесловия»), каждая из которых представляет собой эссе. Соответственно жанру, отдельная глава, субъективно окрашенная автором, имеет либо философский («Трактат о разности ума»), либо историко-биографический («Сократ, который был самим собой»; «Кое-что о десятой музе»), либо научно-популярный («Немного об искусстве выживать») характер. Стиль Губермана, как и всякий эссенцистический стиль, «отличается образностью, афористичностью, установкой на разговорную интонацию и лексику» [5:1247].

Примечания:

1. Губерман И.М. Собр. соч. в 3Т. — Екатеринбург, 1999. Т.3
2. Горин Г.И. //Антология Сатиры и Юмора России XX века. — М., 2000. Т.6.
3. Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. — СПб., 2001.
4. Довлатов С.Д. Встретились, поговорили. — СПб., 2001.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001.

© Воробьева Н.В.
г. Пермь

МОЛОДАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. РЫБАКОВОЙ «АННА ГРОМ И ЕЕ ПРИЗРАК»

Женская проза 1990-ых годов стала уже привычным объектом для исследователей, располагающих ее на периферии новой реалистической традиции: где-то на скрещении натурализма и сентиментализма (Н. Лейдерман, А. Немзер, О. Дарк, Ю. Ми-